

Эффект снятой утвердительности

Е. В. Падучева

Соединение субъекта с предикатом требует от предиката (например, глагола) предикативной формы, что дает, по умолчанию, утвердительную модальность: немаркированная финитная форма глагола имеет обычно значение изъявительного наклонения (такова, по крайней мере, ситуация в русском языке). Нужны специальные средства, чтобы эту модальность снять – это показатели «снятой утвердительности», см. Вейнрейх 1970: 173.

Вейнрейх принимает утвердительное наклонение за исходное и перечисляет языковые средства «нейтрализации утвердительности». Это трансформация номинализации; окончания инфинитива, императива и буд. времени; косвенные наклонения, которые содержат «прямой отказ от ответственности за содержание высказывания» (от эпистемического обязательства по Муру), такие как немецкий конъюнктив, турецкий квотатив или пересказывательное наклонение в болгарском; подчинение предложения неутвердительному союзу. Контекст снятой утвердительности создают также модальные слова (такие как *может, хочет, должен, необходимо*); отрицание, (в том числе – внутрилексемное, как у *отказываться, запрещать, отрицать*), вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы; неуверенность, предположительность, нереальность; многие предикаты пропозициональной установки и перформативные глаголы, см. Падучева 1985: 94.

Снятая утвердительность рассматривалась в Падучева 1985: 94 в связи с неконкретными (non-specific) неопределенными местоимениями типа *какой-нибудь*. Эти местоимения с трудом допустимы в индикативном контексте (**Он взял что-нибудь*) и свободно употребляются в контексте снятой утвердительности:

(1) возьми что-нибудь, взять что-нибудь, возьму что-нибудь, если он взял что-нибудь, могу взять что-нибудь, и т.д.

В Падучева 1974: 109 и 1985: 218 контекст снятой утвердительности рассматривается в связи с условиями употребления местоимений на *-либо* и *бы то ни было*.

Есть и много других явлений, связанных с контекстом снятой утвердительности в тех или иных его разновидностях. Приведем некоторые примеры.

I.

У глаголов с участником Результат контекст снятой утвердительности меняет состав и интерпретацию синтаксических актантов. Так, у глагола *выбрать* в прямой диатезе есть участник Результат:

(2) выбрал *лошадь* посмирнее [*лошадь* – конкретно-референтное имя; в ситуации есть участник Результат];

но в контексте снятой утвердительности – в (3) это повелительное наклонение – его нет (см. Падучева 1999):

(3) выбери *лошадь* посмирнее [*лошадь* не конкретно-референтное имя; нет Результата выбора].

Толкование глагола СВ, при котором, в случае прямой диатезы, в ситуации есть конкретно-референтный участник Результат выбора, годится для контекста, когда СВ обозначает действие, дошедшее до конца; например, когда глагол СВ употреблен в прош. времени изъявительного наклонения без отрицания. Контекст снятой утвердительности (возникающий при отрицании; будущем времени; повелительном, сослагательном и условном наклонении и проч.) модифицирует толкование глагола СВ приблизительно так же, как граммема несов. вида в актуальном значении. В самом деле, в ситуации нет участника Результат, если действие либо не дошло до конца, либо не было осуществлено вообще, см. (4б):

- (4) а. выбрал *лошадь* посмирнее [есть индивидуализированная лошадь];
б. выбирает *лошадь* посмирнее; выбери *лошадь* посмирнее [нет такой лошади].

Иными словами, прямой объект глагола СВ *выбрать* обозначает Результат выбора только при утвердительной модальности предложения. В контексте снятой утвердительности толкование глагола сов. вида должно быть подвергнуто тем же модификациям, что при НСВ актуально-длительном.

Другой аспект значения того же *выбрать*. В (5) *закоулок* понимается как синоним слова *место* (никакого конкретного закоулка не имеется в виду); т. е. существительное в позиции объекта понимается в параметрическом значении, как это бывает в контексте глагола НСВ *выбирать*, а не глагола СВ *выбрать*:

(5) Нельзя ли для прогулок подальше выбрать *закоулок*? (Грибоедов)

И еще одна деталь. Адвербиал *по вкусу* в (6) имеет при снятой утвердительности значение Критерия, а в утвердительном контексте он переосмысливается как Признак, не обязательно имевшийся в виду как Критерий при выборе:

(6) Выбери себе еду *по вкусу*; Я выбрал себе еду *по вкусу*.

Зависимость референциального статуса объекта от вида и модальности объединяет глагол *выбрать* со всеми другими глаголами создания. В каком-то смысле *выбрать* в волитивно-ментальном значении и является глаголом создания: в ходе мыслительной и волитивной деятельности Агенса нечто создает, а именно, мнение о параметре своего действия – это и выделяет один объект из множества ему подобных.

II.

Контекст снятой утвердительности неожиданно проявил себя в аспектологии. Дело в том, что результативность, которая обычно приписывается так наз. общефактическому значению несов. вида (*Кто строил [= 'построил'] эту дорогу?*), на самом деле обусловлена ретроспекцией, т.е. порождена прош. временем (речевого режима). В будущем времени, которое снимает утвердительность, значения результативности у формы несов. вида не возникает. Прощ. время индикатива порождает ориентацию на конец, а буд. время дает ориентацию на начало. Обращение к понятию снятой утвердительности позволяет вскрыть общность повелительного наклонения и буд. времени. Компонент «внимание на начальной фазе» в семантике несов. вида императива (см. Падучева 1996: 68) получил объяснение, когда обнаружился тот же эффект в буд. времени:

- (а) Звони сейчас = 'сейчас начинай звонить';
(б) Сейчас буду звонить матери = 'сейчас начну звонить'.

В прош. времени активизируется конечная фаза (*звонил матери*), что порождает импликатуру достигнутого результата; а в будущем – начальная.

III.

Глагол *огорчить*, как и многие другие эмотивные глаголы, не является подлинно агентивным. Но достаточно широко распространены квазиагентивные употребления – и все они ограничены контекстом снятой утвердительности:

(1) – Ну что ж, поезжайте... – Да как же Наташа-то? Ведь я *огорчу* ее, Иван Петрович, выручите как-нибудь... (Д.);

Я пришел с тем, чтоб уговорить тебя сделать это по возможности мягче и без скандала, чтоб не *огорчить* и не испугать твою мать еще больше (Д.);

⟨...⟩ он схватил меня за ушибленную руку и мне стало ужасно больно; но я не закричала, боясь *огорчить* его (Д.);

⟨...⟩ вызвал меня в сени, поцеловал и с каким-то беспокойством, с каким-то затаенным страхом начал мне говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я, верно, не захочу *огорчить* его, что он ждет от меня какой-то большой услуги, но чего именно, он не сказал (Д.);

Только что мы заседали. Я вынужден вас *огорчить*. Видимо, кленовскую квартиру вы не получите (Войнович).

Фактивные глаголы эмоции – *омрачить*, *затруднить*, *огорчить* – в контексте снятой утвердительности допускают как фактивное, так и нефактивное понимание (Кустова 1996). Более того, в этом контексте нефактивное понимание становится более вероятным или даже единственно возможным:

(2) Квартирохозяин мой, почтальон, учится играть на скрипке, потому что любит свою мамашу и не хочет *огорчать* ее женитьбой. “Жена все-таки чужой человек”, – говорит он. (Горький)

IV.

Переходим теперь к нашему главному сюжету – снятая утвердительность и глобальное отрицание. Предложения с безударным препозитивным наречием часто не имеют хорошего отрицания (Падучева 1969). Например, не имеет хорошего отрицания предложение *Он резко затормозил*.

Однако в контексте снятой утвердительности отрицание становится возможным: *Резко не тормози; Если бы я резко не затормозил, произошла бы авария*. Это глобальное отрицание. Попытаемся понять его природу.

Ударное и безударное наречие *резко* в примере (1) вносят разный вклад в семантику предложения:

(1) а. Он затормозил \cup *резко* \ ;

б. Он *резко* \cup затормозил \ [пример из Падучева 1969].

В (1а) *резко* занимает ударную позицию, рematicкую, а в (1б) – безударную: ее можно назвать позицией атрибута ремы (Падучева 1996: 244), считая атрибут синонимом для термина модификатор (от англ. modifier ‘обстоятельство’). Речь идет не о чисто коммуникативной структуре, а о гибридной – “синтаксически размеченной”, которая не формулируется в чисто просодических терминах, поскольку принимает во внимание предикатно-аргументное отношение между наречием и глаголом. Итак, мы имеем:

(1) а. Он затормозил \cup *резко* \ [он затормозил – тема, *резко* – рема];

б. Он *резко* \cup затормозил \ [*резко* – атрибут ремы, <он> затормозил – рема].

Переход наречия *резко* из ассертивной позиции в (1а) в позицию атрибута (модификатора) ремы в (1б) – это просодический сдвиг, который меняет смысл предложения. В частности, (1а) и (1б) по-разному подвергаются отрицанию; у (1а), где *резко* – ассерция, есть простое

отрицание (2а), а для (1б), где *резко* – атрибут ремы, отрицание затруднено; о том, как выразить смысл (2б), будет идти речь ниже:

(2а) НЕ (Он затормозил *резко* \) = Он затормозил *не резко*;

(2б) НЕ (Он *резко* ∪ затормозил \) = ???.

Различие между рематической и атрибутивной позицией адвербиала дает себя знать не только в контексте отрицания, но и в ряде других. См. примеры с наречием *громко*.

- Контекст причины (который рассматривался в связи с понятием презумпции в Зализняк 1983):
(3) а. Ребенок проснулся потому, что вы разговаривали *громко* \;
б. ... потому, что вы *громкоразговаривали* \ [≠ (а)].
- Контекст условия:
(4) а. Если бы они разговаривали *громко* /, я бы услышал
б. Если бы они *громко* разговаривали / [≠ (а)].
- Контекст начинательности (пример из Богуславский 1998):
(5) а. После этого они начали разговаривать *громко* \
б. После этого они начали *громко* разговаривать \ [≠ (а)].
- Контекст внутрилексменного отрицания:
(6) а. Ваше присутствие помешало мне *громко произнести* слово “Позор!”;
б. Ваше присутствие помешало мне *произнести* слово “Позор!” *громко* [≠ (а)].

Выявив в поверхностной структуре позицию атрибута ремы, мы получаем все необходимое для описания противопоставлений в плане содержания. В обоих предложениях, т.е. и в (1а) и в (1б), имеется два смысловых компонента – две предикации. В (1а) первый компонент, ‘он затормозил’, – пресуппозиция; второй, ‘торможение резкое’, – ассерция. А в (1б) оба компонента ассертивны, т.е. в предложении две ассерции. Из этих двух компонентов 2-й является атрибутом к 1-му; это атрибутивный компонент.

Семантические представления для (1а) и (1б):

(1а#) ‘он затормозил’ [пресуппозиция] & ‘торможение резкое’ [ассерция];

(1б#) ‘он затормозил’ [ассерция] & ‘торможение резкое’ [дополнительная ассерция: атрибутив].

Есть наречия, которые не допускают двоякой акцентуации. Например, *кстати* (в значении образа действия), как в *пришел кстати*, всегда ударное. Но таких мало.

В Богуславский 1985 и Зельдович 1998 атрибутивному компоненту в семантике слова и предложения приписывается особый коммуникативный статус (в одном ряду с ассерцией и пресуппозицией) – на том основании, что в контексте отрицания этот компонент а) не остается истинным, как пресуппозиция; б) не отрицается, как обычная ассерция. Между тем, эти особенности поведения под отрицанием вытекают, можно думать, из семантической природы атрибутивного компонента: если ситуация, соответствующая основному компоненту (например, *затормозил*), не имеет места, то атрибутивный (*резко*) лишается смысла, ср. бессмысленное **он резко не затормозил*. Что же касается коммуникативного (иначе – акцентного) статуса атрибутивного компонента в структуре (1б#), то это, скорее, дополнительная ассерция – при основной, выраженной глаголом (и дополнительность – следствие наличия основной, не атрибутивной). Таким образом, в предложении с атрибутом ремы возникает конъюнкция ассерций, а отрицание конъюнкции, в соответствии с законами логики, дает сложный дизъюнктивный смысл. Отсюда сложности с (2б):

(2б) НЕ (Он *резко* ∪ затормозил \) = ‘то ли он затормозил не резко, то ли не затормозил вообще’.

По законам логики,

(I) $\neg (P \ \& \ R) \equiv \neg P \ \vee \ \neg R \ \vee \ (\neg P \ \& \ \neg R)$ (\vee – разделительная дизъюнкция).

Смысл, соответствующий формуле (I), включает перечисление возможностей – набор из трех альтернатив. В нашем случае число альтернатив уменьшается до двух – за счет того, что второй конъюнктивный член, R, имеет вид Q(P), где Q – атрибутХЕ "атрибут", характеристика, параметрХЕ "параметр (vs. атрибут)" ситуации Р (например, в (1б) *затормозил* – Р; *резко* – Q). Подстановка Q(P) на место R в (I) дает

$$(II) \neg (P \& Q(P)) \equiv \neg P \vee \neg Q(P) \vee (\neg P \& \neg Q(P));$$

но третий член дизъюнкции отпадает: если Р отрицается, то Q(P) лишается смысла, потому что Q является модификатором (атрибутом)ХЕ "модификатор" Р – в предположении, что Р имеет место. Так что остается:

$$(II') \neg (P \& Q(P)) \equiv \neg P \vee \neg Q(P), \text{ см. Падучева 1999.}$$

Итак, в (1) атрибут 'резко' теряет смысл, если не имеет места ситуация 'он затормозил' (**он резко не затормозил*), так что (2б) должно иметь структуру

$$\neg P \vee \neg Q(P).$$

Выразить смысл (2б) на русском языке можно тремя способами. Два "буквальных":

(2б') То ли он не затормозил вообще, то ли затормозил не резко;

(2б'') Если он и затормозил, то не резко [поскольку $\neg P \vee \neg Q(P) \equiv P \rightarrow \neg Q(P)$].

И один "идиоматический" – это структура с контрастной темой:

(2б''') Резко/ он не тормозил \ .

В соответствии с определением из Падучева 2004, (2б''') означает: 'резко не тормозил, а тормозил ли не резко – неизвестно'; иначе: 'то ли он не тормозил вообще, то ли тормозил не резко'.

Предложение (2б''') передает смысл (2б) очень приблизительно: требуется замена СВ *затормозил* на НСВ общефактическое *тормозил*, при котором утрачивается смысл единичного торможения; сохранение сов. вида дает недопустимое

(2б''') *Резко он не затормозил.

Между тем в контексте снятой утвердительности отрицательная частица при глаголе дает отрицание всего комплекса «глагол + наречие», причем не требуется ни сильного второстепенного ударения на наречии, ни его препозиции:

(3) Не тормози *резко*; Главное – не тормозить *резко*; Он не будет тормозить *резко*; Он не тормозит *резко*; Могу *резко* не тормозить.

Приглагольное отрицание возможно, в частности, и при сов. виде глагола:

(4) Если бы я *резко* не затормозил, произошла бы авария.

У нас нет хорошей идеи относительно семантического представления предложений с приглагольным отрицанием в контексте модификатора, как в (3). Но поверхностная структура, скажем, для *я резко не затормозил* в (4) очевидна: это единая рема, в которой *затормозил* не является ни темой, как в (1б), ни ремой, как в (1а) – глагол вообще не выделяется как отдельный компонент коммуникативной структуры (приблизительно такая трактовка сочетаний этого типа дается в Богуславский 1985).

Подобное поведение в контексте снятой утвердительности свойственно достаточно большому кругу наречий. См. другие примеры (мы пользовались списками адвербиально-глагольных сочетаний из Филипенко 2003; за образец контекста снятой утвердительности берем будущее время):

самостоятельно не выучит – *не выучил самостоятельно;

по доброй воле не отдаст – *по доброй воле не отдал;

без причины не откажется – *без причины не отказался;

дешево не продаст – *дешево не продал;

скоро он не придет – *скоро он не пришел;

спокойно он сидеть не будет – *спокойно он не сидел;

хорошо этот рояль звучать не будет – *хорошо этот рояль не звучит, и т.д.

Можно предположить следующий механизм семантического преобразования дизъюнктивного значения в контексте снятой утвердительности. Глагольная пропозиция несет более важную информацию – обычно несравненно более важную, – чем адвербиал. Поэтому если глагол в индикативе, то дизъюнкция выглядит противоестественно:

НЕ (дешево продал) = ‘то ли не продал, то ли продал по дорогой цене’.

Между тем в контексте снятой утвердительности вопрос об отдельной истинности глагольной пропозиции Р не возникает; дизъюнкции нет как таковой.

Попытаемся понять, при каких условиях приглагольное отрицание включает в свою сферу действия модификатор: как преодолевается первородный грех дизъюнктивности, заложенный в семантику такого сочетания.

В Богуславский 1985: 32 приведен пример предложения с безударным модификатором, т.е. с адвербиалом в атрибутивной позиции (и с глаголом в прош. времени), где отрицание *не* при глаголе допустимо и имеет глобальную интерпретацию. Ср. (5а) и (5б):

(5) а. ?За этот год добыча угля *не возросла* на 10 миллионов тонн;

б. За этот год добыча угля *не возросла* на 10 миллионов тонн, как ожидалось.

Сформулированное И.М. Богуславским условие, которое делает эту структуру возможной, определяется семантикой ожидания. Предложение (5а) некорректное, а (5б) безупречно. И разница в том, что в (5б) прямым текстом сообщается, что не имеет смысла говорить, имеет ли место Р (*возросла*) вне условия Q (*на 10 миллионов тонн*); иными словами, в (5б) дизъюнктивный член $\vee \neg P$ ‘или не возросла вообще’ подавляется контекстом.

Можно думать, что контекст снятой утвердительности работает том же направлении. При отрицании атрибутивного комплекса возникает дизъюнкция ‘то ли не Q(P), то ли даже не P’, и в прош. времени, при утвердительной модальности, трудно избавиться от того, что существование ситуации Р, обозначаемой глаголом, является предпосылкой осмысленности Q(P). Между тем в контексте снятой утвердительности отдельная пропозиция Р теряет смысл; остается Q(P) и становится возможным не смещенное (с акцентом на адвербиале), а глобальное отрицание, см. (6) – (8):

(6) *Сильно* этот поезд не опоздает = ‘НЕ (Этот поезд *сильно* опоздает)’;

(7) Эту статью Вам *внимательно* читать не надо = НЕ (Вам эту статью надо *внимательно* прочесть)

(8) *Сразу* я Вам не отвечу = НЕ (Я Вам *сразу* отвечу) [\neq Я отвечу Вам *не сразу*].

В прош. времени возможно только смещенное:

(6') ??Поезд *сильно* не опоздал; ?*Сильно* / поезд не опоздал \ ;

(7') ?*Внимательно* / Вы эту статью не прочли \ ;

(8') ?Он *сразу* не ответил \ ; ?*Сразу* он не ответил \ ; Он не ответил *сразу* \ .

Когда отрицание конфигурации Q(P), где Р – адвербиал, попадает в контекст снятой утвердительности, подавляется презумпция у глагольной пропозиции Р.

Интересный частный случай представляет наречие *второпях*. У *второпях* два значения (см. Пеньковский 2004), которые различаются тематическим классом: 1) значение причины ‘в спешке – по причине спешки – сделал не то, что собирался или должен был’ и 2) значение образа действия ‘делал в спешке, торопясь’. При этом *второпях*-1 препозитивно и принципиально безударно, а *второпях*-2 предпочитает постпозицию и безударно:

(9) а. *второпях* \cup забыл \ ; б. пообедали \cup *второпях* \ .

Оказывается, что *второпях*-1 допускает глобальную интерпретацию отрицания в контексте снятой утвердительности.

Вначале отметим тот факт, что *второпах*-1, так же как другие наречия причины – *сдуру*, *сослепу* – и цели – *напрасно*, *назло* (и в отличие от наречий образа действия (*громко*, *медленно*) – могут сочетаться с отрицательным глаголом:

(10) *второпах* не сказал (не взял, не надел и проч.).

Ясно, однако, что в (11) *второпах* относится не к глаголу, а ко всему сочетанию глагол + модификатор:

(11) Проследи, чтобы он *второпах* не оставил ключи;

Как бы он *не надел второпах* мою шляпу;

Теперь мы все оформим – если только он *не забудет второпах* паспорт.

Аналогично для *нечаянно* (хотя *нечаянно*, в отличие от *второпах*, не может относиться к отрицательному глаголу):

Марья предусмотрительно вынула пальцами изо рта плоский обсосочек красного монпансье, чтобы как-нибудь *нечаянно* не проглотить его (Н. Никандров);

Я очень боялся, чтобы меня *нечаянно* не приняли за кого-нибудь (М. Арцыбашев);

я стал бояться, <...> как бы он *нечаянно* не нажал собачку (В. Каверин);

<...> чтобы не успеть увидеть своего ребенка и *нечаянно* не полюбить его навсегда (А. Платонов).

Вне контекста снятой утвердительности глобальная интерпретация отрицания при *второпах* и *нечаянно* невозможна.

Есть, однако, наречия, у которых глобальная интерпретация приглагольного отрицания возможна и вне контекста снятой утвердительности. Таково наречие *вовремя* (ср. Левонтина 2003). Так, (12б) – глобальное отрицание (12а):

(12) а. Он *вовремя* уехал из Москвы. <Это его спасло.>

б. Жаль, что он *вовремя не уехал из Москвы* [= НЕ (уехал во-время); ≠ *уехал не вовремя*; ≠ **ВОВРЕМЯ** (не уехал)].

МАС различает у *вовремя* два значения, временное *вовремя* 1 и не чисто временное *вовремя* 2:

вовремя 1 = ‘пока еще не поздно’, ‘не опоздав’.

Например: Он сегодня пришел на работу *вовремя*; <...> она было взяла из моих рук монеты, но *вовремя* опомнилась, и мы вышли, ничего не купив (В. Набоков);

вовремя 2 = ‘когда это уместно, нужно’.

Например: Вы пришли очень *вовремя*; *вовремя* сказанное слово.

Для наших рассуждений существенно, что *вовремя* 1 не допускает при себе отрицания; если при слове *вовремя* есть отрицание, это лексема *вовремя* 2, ср.

Гость пришел *не вовремя* – *Поезд пришел *не вовремя*.

Предложение (12') можно понять только в странном значении ‘когда его там не ждали’. Оно не является отрицанием для *пришел вовремя*, т.е. ‘не опоздав’:

(12') Он пришел на работу *не вовремя*.

Возможно, именно с этим связан тот факт, что *вовремя*, в отличие от *резко* и многих других наречий, допускает глобальную интерпретацию приглагольного отрицания, не требуя интонационного выделения атрибута, т.е. контрастной темы или смещенного отрицания:

(13) НЕ (вовремя уехал), НЕ (вовремя остановился), НЕ (вовремя покормили) = *вовремя не уехал, вовремя не остановился, вовремя не покормили*.

Как вывести из семантики *вовремя* его отличие от *резко*?

Пример И.М.Богуславского (см. (5) выше) показывал, что семантика ожидания Q(P)

позволяет избавиться от дизъюнкции “или не-Р” ($\vee \neg P$). Здесь похоже: говорить о Р вне условия Q бессмысленно – бессмысленно задавать вопрос, уехал ли он вообще – т.е. когда было уже поздно. Таким образом, отличие *вовремя* от *резко* состоит в том, что у *вовремя*

дизъюнктивный член P в дизъюнкции $\neg P \vee \neg Q(P)$ выпадает, и тогда *не* при глаголе законно выражает значение $\neg Q(P)$. Например, в *не уехал вовремя* существенно только, что не успел уехать тогда, когда было еще не поздно.

Особый класс составляют наречия, которые фактически дублирует значение глагола: *удачно успел; успешно справился; безошибочно угадал; злодейски убили; беспощадно разгромила; безропотно согласился* и под. Для них глобальное отрицание невозможно и в контексте снятой утвердительности.

В Kempson 1975 было введено понятие внешнее отрицание – это отрицание, которое отменяет пресуппозицию; так, в (14а) внешнее отрицание, поскольку оно воздействует на пресуппозицию; обычное отрицание, см. (14б), ее сохраняет:

- (14) а. Джон не огорчен, что провалился на экзамене, потому что он не провалился;
б. Джон не огорчен, что провалился на экзамене.

Построения этого рода не соответствует реальному узусу и допустимы разве что на уровне языковой игры – для создания экивока; известны, например, эксперименты этого рода, принадлежащие Льюису Кэрроллу (Падучева 1982/1997). В случае наречных сочетаний картина, однако, иная: здесь граница между пресуппозицией и ассерцией менее отчетливая и отрицание легко ее преодолевает.

Все сказанное свидетельствует о том, что понятие снятой утвердительности представляет интерес и заслуживает дальнейшей разработки.

Литература

1. Богуславский 1985 – *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
2. Богуславский 1998 – *Богуславский И. М.* Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998.
3. Вейнрейх 1970 – *Вейнрейх У.* Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Современная лингвистическая семантика / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1981. С. 50–176.
4. Зельдович 1998 – *Зельдович Г. М.* О типах семантической информации: слабые смыслы // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1998. № 2.
5. Кустова 1996 – *Кустова Г. И.* О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 240–261.
6. Левонтина 2003 – Левонтина И.Б. ВО-ВРЕМЯ, СВОЕВРЕМЕННО; в кн.: *Апресян Ю. Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М.: Языки рус. культуры, 2003.
7. Падучева 1969 – *Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып.12, 1969.
8. Падучева 1996 – *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.
9. Падучева 1982/1997 – *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла Семиотика и информатика, вып.18, 1982 М.: ВИНТИ
10. Падучева 1999а – *Падучева Е. В.* Семантика глаголов выбора // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. № 5–6.
11. Падучева 1999б – *Падучева Е. В.* Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопр. языкознания. 1999. № 5. С. 3–23.
12. Пеньковский 2004 – Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Филипенко 2003 – Филипенко М.В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.

14. Kempson 1975 – Kempson R.M. Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge: Univ. press, 1975.